CC BY

DOI 10.22394/2073-2929-2023-04-133-141

Теоретические аспекты формирования концепта евразийской безопасности

Мелешин К. Ю.[1, *], **Феоничев А. Б.**[2]

[1] Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

[*] e-mail: kirillmeleshin@yandex.ru

[2] Российская Ассоциация международного права, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье с позиций структурно-функционального подхода рассмотрены теоретические аспекты формирования концепта безопасности евразийского пространства как сложной многоуровневой социокультурной системы.

Цель. Рассмотреть сущность безопасности евразийского пространства с позиций структурно-функционального подхода.

Задачи. Обосновать безопасность как функцию социокультурной системы, рассмотреть механизмы воздействия внешних и внутренних угроз на евразийскую безопасность.

Методология. Использовался структурно-функциональный подход, системный анализ, обобщение, синтез, сравнительный анализ.

Результаты. Примененный подход позволил сформулировать определение безопасности социокультурной системы, выявить пути реализации функции безопасности путем защиты и поддержания системной идентичности ее элементов, а также активного выявления дестабилизирующих факторов внешней и внутренней среды и противодействия им с целью обеспечения результативного, надежного и стабильного осуществления цели существования социокультурной системы.

Выводы. Проведенный анализ понятия «безопасность» показал, что указанное понятие является, прежде всего, функцией социокультурной системы, направленной на предотвращение или снижение ущерба от действующих или потенциально возможных угроз, позволяя ей достигать установленной цели своего существования. В связи с этим в рамках процесса евразийской интеграции необходимо рассматривать безопасность региона Большой Евразии не как простую сумму национальных безопасностей государств, его составляющих, а как базовую функцию единой сложной евразийской социокультурной системы, являющейся самостоятельным центром развития многополюсного мира, обеспечивающую сохранение идентичности и развитие народов исторического евразийского пространства, то есть как находящуюся на более высоком системном уровне цивилизационную безопасность.

Ключевые слова: безопасность, Евразия, социокультурная система, угрозы

Для цитирования: Мелешин К. Ю., Феоничев А. Б. Теоретические аспекты формирования концепта евразийской безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 4. С. 133–141.

https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-04-133-141

Theoretical Aspects of the Formation of the Concept of Eurasian Security

Kirill Yu. Meleshin[a, *], **Alexander B. Feonichev**[b]

[a] University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC, Saint Petersburg, Russian Federation

[*] e-mail: kirillmeleshin@yandex.ru

[b] International Law Association / Russian Branch, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In the article, from the standpoint of the structural and functional approach, the theoretical aspects of the formation of the concept of security of the Eurasian space as a complex multilevel socio-cultural system are considered.

Aim. To consider the essence of the security of the Eurasian space from the standpoint of a structural and functional approach.

Tasks. To substantiate security as a function of the socio-cultural system, to consider the mechanisms of the impact of external and internal threats on Eurasian security.

Methods. The structural and functional approach, system analysis, generalization, synthesis, comparative analysis were used.

Results. The applied approach made it possible to formulate a definition of the security of a socio-cultural system, to identify ways to implement the security function by protecting and maintaining the system identity of its elements, as well as actively identifying destabilizing factors of the external and internal environment and countering them, in order to ensure effective, reliable and stable implementation of the purpose of the existence of a socio-cultural system.

Conclusions. The analysis of the concept of "security" has shown that this concept is, first of all, a function of a socio-cultural system aimed at preventing or reducing damage from existing or potentially possible threats, allowing it to achieve the established goal of its existence. In this regard, within the framework of the Eurasian integration process, it is necessary to consider the security of the Greater Eurasia region not as a simple sum of the national security of the states that make up it, but as a basic function of a single complex Eurasian socio-cultural system, which is an independent center for the development of a multipolar world, ensuring the preservation of identity and development of the peoples of the historical Eurasian space, that is, as being on a more at a high system level, civilizational security.

Keywords: security, Eurasia, socio-cultural system, threats

For citing: Meleshin K. Yu., Feonichev A. B. Theoretical Aspects of the Formation of the Concept of Eurasian Security // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 4. P. 133–141. (In Rus.)

https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-04-133-141

Введение

Формирование Большого Евразийского пространства на основе цивилизационного сходства народов ведет к созданию единой сложной социокультурной системы, которая представляет собой результат сложения векторов направленности, составляющих систему культурных и социальных компонентов, их взаимосвязи и результатов реализации функции социокультурной системы и составляющих ее элементов, а также взаимодействия с соседними социокультурными системами.

Ее системообразующими элементами выступают социокультурные институты: государственные, негосударственные, частные и общественные органы, организации и учреждения, которые обеспечивают накопление, хранение и передачу культурных ценностей и культурного опыта, освоение культурных, образовательных и творческих форм деятельности людей. Главной задачей социально-культурных институтов является объединение усилий людей для совместной деятельности по реализации различных функций социокультурной системы, направленных на достижение основных целей ее развития.

Одной из целей евразийской интеграции является обеспечение безопасности участников данного интеграционного процесса. При этом, наблюдая ежедневную практику существования людей, обществ и государств, необходимо согласиться с утверждением, что на сегодняшний день безопасность — один из главных цивилизационных императивов[1].

[1] Стенограмма выступления Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина на пленарной сессии XVIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975 (дата обращения: 09.12.22).

Следует отметить, что возникновение и развитие социокультурных систем протекает неравномерно, в условиях прохождения ими через кризисы разного масштаба и продолжительности, присущих самой природе любой развивающейся системы, которые при определенных обстоятельствах могут угрожать ее существованию. Евразийский интеграционный процесс качественно усложняет существующие социокультурные системы, образующиеся в рамках современных государств, что может привести к кризисным явлениям, угрожающим как процессам интеграции, так и ее участникам. Соответственно, в целях их своевременного выявления и предотвращения возникает настоятельная потребность рассмотрения сущности безопасности евразийского пространства как сложной многоуровневой социокультурной системы, с позиций системного подхода.

Современные подходы к исследованию сущности безопасности

Анализ современной западной литературы показывает отсутствие единства в понимании сущностных характеристик безопасности. Так, представители бурно развивающегося в наши дни критического направления в исследованиях безопасности отмечают, что на сегодня не существует единого мнения насчет того, что есть безопасность и что есть только наши представления о ней [10].

Вместе с тем можно отметить попытку определения безопасности, данное Х. Хафтендорном, как долговременное поддержание ценностей или системы и отсутствие угрозы им [11, p. 4], в то же время он не уточняет, о каких ценностях идет речь. Другие западные авторы ограничиваются определением безопасности как отсутствия угроз [12; 14].

При этом значительная часть европейских и американских ученых, воспринимая понятие «безопасность» как данность, сосредоточивают свои усилия на аксиологическом осознании расматриваемого явления в жизни общества и человека [13].

Следует отметить, что в настоящее время большинство отечественных специалистов разделяют точку зрения на определение понятия «безопасность» как «устойчивое состояние защищенности»[1], идущее из толкования понятия безопасности, данное В. И. Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка», где безопасность определяется как отсутствие опасности, сохранность, надежность[2]. Эта трактовка безопасности используется до сих пор[3].

При этом необходимо заметить, что использование при определении в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации понятия «национальная безопасность Российской Федерации» термина «национальный интерес», трактуемого в том числе как потребность в безопасности, приводит к определенной тавтологии — получается, что национальная безопасность — это состояние защищенности потребности личности, общества и государства в безопасности.

Кроме того, рядом авторов понятие «безопасность» понимается как общее свойство и универсальный признак всех систем в мире [5]. При этом авторы многочисленных работ, рассматривая вопросы, связанные с понятием безопасности, как правило, сосредоточиваются именно на конкретных видах безопасности: национальной, государственной, общественной, личной и т. д., используя при этом понятие безопасности как «категорию, имеющую в самой себе основание собственного бытия» [8, с. 58].

Следует признать, что понятие «безопасность» оправданно рассматривать как защищенность системы от какого-либо поражающего фактора, но в то же время этого определения недостаточно, когда безопасность рассматривается не только с точки зрения нахождения и реакции непосредственно на источник опасности, но и с учетом того, что у каждой угрозы, как и у любого явления, есть причины, то есть когда угроза существует в потенции.

Необходимо обратить внимание на то, что определения, показывающие понятие безопасности с позиции статики, так же, как и противоположенное понимание безопасности как процесса сохранения динамического равновесия между внешними и внутренними угрозами и способностью системы им

---

1 См.: Закон Российской Федерации № 2446-1 от 5 марта 1992 г. «О безопасности».

2 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. М. : Русский язык, 1989. Т. 1. С. 67–68.

3 См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 02.07.2021 № 400), Ст. 5.

противостоять [4, с. 37], не в полной мере удовлетворяет современным потребностям в оценке безопасности государств и их интеграционных объединений как совокупности социально-экономической, политической и иных систем, осуществляющих между собой взаимодействие.

Безопасность как функция социокультурной системы

По мнению авторов статьи, раскрыть содержание и сущность понятия безопасности можно через рассмотрение его в рамках структурно-функционального подхода, как функции сложной неравновесной системы, которой является любая сложная система, обменивающаяся энергией, веществом или информацией с внешней средой [7, с. 4–5]. При этом необходимо различать функции системы как целого и функции ее отдельных компонентов. Функция системы — это направление активности системы, которая взаимодействует со средой в процессе достижения своих целей[1]. Можно сказать, что функция системы — это ее свойство в динамике, приводящее к достижению цели, определяющее те функции, которые выполняют в системе каждый из ее компонентов.

Так, в Стратегии национальной безопасности[2] подчеркивается, что только гармоничное сочетание сильного государства и благополучия человека обеспечат процветание государства и формирование справедливого общества. При этом, с одной стороны, благополучие и развитие человека является целью деятельности государства, а с другой, процветание общества возможно только при действительно гармоничном развитии личности, понимании ею единства интересов индивида и общества. Данный подход рассматривает безопасность общества как безопасность исторически сформировавшейся социокультурной системы, выживание, развитие и воспроизводство которой зависит от осознания своей идентичности, общего целеполагания и традиций.

То есть достижение запланированных целей, приносящих пользу для всей системы, происходит посредством взаимодействия и функционирования, специализированных или временно выделенных для этого компонентов системы, реализующих свои функции с учетом цели существования системы [1, с. 23–24]. Следует отметить, что, исходя из данного понимания функций системы, Ю. П. Сурминым была предложена следующая их типология: пассивная, обслуживания, противостояния, поглощения, преобразования, адаптации. В частности, функция поглощения обеспечивает поглощение элементов окружающей среды и экспансию системы, функция адаптации — обеспечивает согласование системы с ее окружением[3].

В то же время, по мнению авторов, в указанной типологии отсутствует функция, отвечающая за выявление, предупреждение и пресечение угроз жизнедеятельности системы, — *функция безопасности*.

В соответствии с законом самосохранения систем любая система сознательно или стихийно стремится к сохранению баланса между воздействием внешних и внутренних факторов и способности системы к адекватному противодействию их деструктивным последствиям[4]. При этом устойчивость достигается путем уравновешивания каждого возникающего изменения в системе другим, ему противоположным, позволяя системе находиться в состоянии динамического равновесия.

Следует отметить, что вышеуказанный закон выражается в устойчивости системы по отношению к внешним и внутренним возмущениям. Вместе с тем очевидно, что любая система, будь то социальная или биологическая, не существует в вакууме, а находится в соответствующей среде, являющейся по отношению к ней внешней, включая совокупность всех элементов, оказывающих влияние на деятельность системы, но находящихся вне ее пределов.

Кроме того, внешняя среда — это не только источник ресурсов, необходимых для поддержания внутреннего потенциала на должном уровне, но также источник возможных дестабилизирующих сис-

---

[1] *Сурмин Ю. П.* Теория систем и системный анализ: учебное пособие. Киев : МАУП, 2003. 368 с. [Электронный ресурс]. URL: https://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/surmin/22.html (дата обращения: 04.06.2022).

[2] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 02.07.2021 № 400).

[3] *Сурмин Ю. П.* Теория систем и системный анализ: учебное пособие. Киев : МАУП, 2003. 368 с. [Электронный ресурс]. URL: https://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/surmin/22.html (дата обращения: 04.06.2022).

[4] *Шеметов П. В., Петухова С. В.* Теория организации : учебное пособие. М. : Омега-Л, 2008. С. 51.

тему факторов воздействия, своевременная адаптация к которым является основным условием сохранения целостности системы и, соответственно, условием выживания и развития во всех сферах ее жизнедеятельности. Соответственно, системы должны, с одной стороны, постоянно выявлять изменения во внешней и внутренней среде и реагировать на них, с другой — они сами способны изменять как свою внутреннюю, так и внешнюю среду.

Необходимо отметить, что факторы внешней среды можно разделить на две группы: прямого и косвенного воздействия. Соответственно, факторы прямого воздействия непосредственно влияют на функционирование системы и, в свою очередь, испытывают на себе влияние ее деятельности, а факторы косвенного воздействия опосредованно влияют на систему, поскольку интересы системы и внешней среды не сталкиваются напрямую.

При этом влияние факторов косвенного воздействия может проявляться не только в текущий момент, но также и в будущем. Например, внедрение новых научных достижений может дать уверенное превосходство одному из участников международных отношений по отношению к другим, усилив их позиции в экономической или военной сфере, что одновременно может ослабить позиции других акторов.

Современные исследования по теории систем позволили выявить то, что в сложных системах обязательно существуют системоразрушающие элементы, которые стремятся уменьшить эффективность функционирования и развития системы[1].

В процессе развития саморазвивающейся системы, в ходе движения к своей цели, при прохождении точки бифуркации, когда положение системы находится в неустойчивом состоянии, согласно синергетическому «эффекту бабочки», достаточно точечного воздействия указанных элементов (или через них, иной системы), чтобы кардинально изменить ее вектор развития или разрушить. Соответственно, для эффективного функционирования социокультурной системы необходимо своевременно выявлять указанные элементы и нейтрализовать либо предупреждать их воздействие, что требует от элементов системы осознания и укрепления своей внутрисистемной идентичности.

Следовательно, можно сделать вывод, что определяющим при рассмотрении понятия «безопасность» является не его «видовая» принадлежность, а функциональное проявление системы. То есть можно утверждать, что каждая система от «рождения» и до «смерти» обладает такой базовой функцией, как обеспечение безопасности от внешних и внутренних угроз.

Таким образом, мы можем сформулировать определение безопасности социокультурной системы как функцию сложной неравновесной системы, направленную на поддержание ее жизнедеятельности и развития, посредством выявления и реакции на потенциальные и реальные угрозы.

Механизм воздействия внешних и внутренних угроз

Рассматривая безопасность как базовую функцию системы, выражающуюся в деятельности ее элементов, направленных на поддержание равновесного положения системы, следуют отметить, что существенным является механизм воздействия внешних и внутренних угроз. Так, любая система, находясь в какой-то среде, контактирует с другими системами, подвергается воздействию внешних элементов или же оказывает на них воздействие сама. Часть этих воздействий может иметь положительную динамику, а часть — отрицательную. То есть некоторые контакты системы могут иметь положительную динамику развития, а некоторые отрицательную (деструктивную).

При первоначальном контакте результат подобного воздействия может быть неочевидным. Так, инвестиции развитых европейских стран в добывающую экономику и транспортную инфраструктуру развивающейся африканской или азиатской страны имеют, на первый взгляд, явно положительную динамику. Однако при более внимательном рассмотрении указанные инвестиции ведут лишь к несколько одностороннему развитию экономики страны, связанной с добычей природных ресурсов и их транспортировкой при минимальной первичной обработке, связанной, как правило, с энергозатратными и экологически опасными производствами (например, алюминия). При этом конечный продукт,

[1] *Шеметов П. В., Петухова С. В.* Теория организации : учебное пособие. М. : Омега-Л, 2008. С. 18–19.

производимый из полученного таким образом сырья, попадая в развивающуюся страну, имеет стоимость, многократно превышающую плату за вывезенное сырье. Кроме того, подобный подход не позволяет развивать тяжелую станкостроительную, а также легкую промышленность, в связи с отсутствием у руководства страны потребности искать новые источники пополнения бюджета страны при наличии постоянных поступлений от продажи природных ресурсов.

Такие примеры в различных вариантах известны в международных отношениях в течение длительного времени. Например, введенная президентом США У. Тафтом в 1912 г. тактика ненасильственного, в отличие от прямого силового, давления с целью навязывания своих экономических и политических интересов другим государствам посредством предоставления кредитов, ссуд или оказания иной финансовой или материальной помощи, позволяющая навязывать свою волю, именуемая «дипломатией доллара»[1].

С другой стороны, страна, попавшая в условия кризиса, например войны, которая, безусловно, имеет деструктивный характер, но дающую в перспективе возможность положительного поступательного или скачкообразного развития. Так, в результате Великой Отечественной войны СССР смог выйти на лидирующие позиции в мировой политике и экономике, заняв равное с ведущей капиталистической державой (США), не получившей никакого ущерба в результате войны, место.

Говоря о понятии безопасности с позиций структурно-функционального подхода, следует сказать, что потенциальная угроза, переходящая в реальную, но не тождественная ей, при воздействии на систему может привести к нескольким сценариям развития. В соответствии с первым реализация угрозы наносит ущерб различным элементам системы, переводящим кризис в катастрофу, ведущую, в свою очередь, систему к гибели. Второй вариант предполагает преодоление системой кризиса за счет соответствующих мер, не позволяя последнему перейти в катастрофу, оптимизируя деятельность своих элементов, дающих в конечном итоге толчок для качественного перехода системы на новый уровень развития.

Вместе с тем, как полагают авторы статьи, существующая модель сценариев развития событий не в полной мере отражает все многообразие возможных вариантов. Так, при переходе ситуации от опасности к ущербу и затем к кризису система, подвергшаяся деструктивному воздействию, с целью сохранения своего существования может перейти на минимальный энергетический (базовый) уровень, представляющий собой минимальное сочетание элементов системы, позволяющее ей осуществлять свои базовые функции, к которым, безусловно, относится и такая функция, как безопасность.

При этом подобное состояние может продолжаться в течение длительного времени, в результате которого система либо получит толчок к новому развитию, либо исчерпает заложенный на базовом уровне потенциал и прекратит свое существование. В качестве примера, иллюстрирующего подобную возможность, следует указать на историческое развитие нашей страны в период кризиса, приведшего к краху Российской империи и возникновению советского государства, а также события конца XX в., приведшие к разрушению уже советской системы и возникновению нового государства — Российской Федерации.

В каждом подобном переходе в государстве разрушались все существующие государственные надстройки, включая государственный аппарат и государственную идеологию, и оно переходило на минимальный (базовый) уровень, характеризующийся минимальным уровнем энергозатрат и набором реализуемых функций. Однако в дальнейшем обе ситуации не привели к переходу кризиса в катастрофу и дальнейшему разрушению государства как такового ни в юридическом, ни в бытийном плане.

Следует при этом отметить, что данный сценарий возможен только в случае, если базовый уровень системы не содержит в себе системной ошибки. Примером наличия подобной системной ошибки может являться Турция, которая после разрушения Османской империи не вернула себе утраченного статуса имперского государства по причине ошибочного отождествления Ататюрком политической нации турков с турецким этносом [6, с. 154; 3, с. 23]. Это вызвало в дальнейшем попытки национального подавления курдов, внесших значительный вклад в сохранение единой Турецкой республики в 1918–1922 гг., но

[1] Краткий политический словарь. 3-е изд., доп. М. : Политиздат, 1983. С. 88.

воспринимавшихся турецкой политической элитой всего лишь как «неправильные» турки [2, с. 53–56]. Что, в свою очередь, привело к действиям государственного аппарата по их насильственной ассимиляции и уничтожению несогласных, вызвавшим борьбу курдов за свои права, вплоть до вооруженной.

Таким образом, само непризнание существования курдского этноса как одной из базовых подсистем турецкой общественно-политической системы вынудило систему вести борьбу за ликвидацию данного компонента системы. Сможет ли Турция сохраниться как единая система после уничтожения одного из своих базовых компонентов, остается под вопросом.

В то же время выделение в системе дополнительных подсистем и изменение структурных взаимосвязей между ее элементами способно не только вносить деструктивное воздействие, но и также оказывать стабилизирующее воздействие на систему. Примером стабилизации государственной системы, через ее усложнение в результате появления новой подсистемы, может являться выделение в ходе Гражданской войны в РСФСР автономных республик (например, Башкирской Автономной Республики)[1], переломившее ситуацию с нарастанием центростремительных тенденций, угрожающих распаду государства.

Необходимо отметить, что элементы внутренней среды системы могут быть как системообразующими, так и системоразрушающими. При анализе структуры взаимодействия любых систем необходимо учитывать возможность одновременной принадлежности элемента одной системы другой системе или ассоциирования себя с ней (информационной связи). Примером таких элементов является существование в политической системе государства лиц (групп), ориентированных на иную цивилизационную модель, не совместимую с данной социокультурной системой. В странах Большого Евразийского пространства к таким элементам социокультурных систем можно отнести представителей оппозиционных сил, ощущающих свою принадлежность к западной цивилизационной модели.

При этом в процессе развития саморазвивающейся системы, в ходе ее движения к своей цели, при прохождении точки бифуркации, когда система находится в неустойчивом состоянии, согласно синергетическому «эффекту бабочки», достаточно точечного воздействия указанных элементов (или через них иной системы), чтобы кардинально изменить ее вектор развития или разрушить. Следовательно, одной из основ обеспечения безопасности социокультурной системы является формирование и поддержание системной идентичности ее элементов, что в случае со сложной социокультурной системой евразийской цивилизации представляет сложную задачу формирования многоуровневой идентичности, обеспечивающей сохранение идентичности малых народов.

Исходя из проведенного авторами анализа следует, что функция безопасности реализуется как путем защиты и поддержания системной идентичности ее элементов, так и активного выявления дестабилизирующих факторов внешней и внутренней среды и противодействия им, с целью обеспечения результативного, надежного и стабильного осуществления цели существования социокультурной системы.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ понятия «безопасность» показал, что указанное понятие является, прежде всего, функцией социокультурной системы, направленной на предотвращение или снижение ущерба от действующих или потенциально возможных угроз, позволяя ей достигать установленной цели своего существования.

В связи с этим в рамках процесса евразийской интеграции необходимо рассматривать безопасность региона Большой Евразии не как простую сумму национальных безопасностей государств, его составляющих, а как базовую функцию единой сложной евразийской социокультурной системы, являющейся самостоятельным центром развития многополюсного мира, обеспечивающую сохранение идентичности и развитие народов исторического евразийского пространства, то есть как находящуюся на более высоком системном уровне цивилизационную безопасность.

[1] Соглашение Российского Рабоче-Крестьянского правительства с Башкирским Правительством о Советской Автономной Башкирии от 20.03.1919 // Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: Сборник документов и материалов. Уфа, 1959. С. 5.

Для обеспечения успешной реализации рассматриваемой функции необходимо выработать общую цивилизационную идентичность евразийского пространства и определить общие цели сосуществования и соразвития его народов.

Литература

1. *Анохин П. К.* Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
2. *Гасратян М. А.* Курды Турции в новейшее время. Ереван, 1990.
3. *Данилов В. И.* Метаморфоза турецкого национализма // Ближний Восток и современность : сборник статей. Вып. 9. 2000. С. 20–35.
4. *Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М. : Наука, 1997.
5. *Литвинов Э. П.* Безопасность как философская категория [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 7. Вып. 1. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t7v1/t7v1_PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast7-1.2014.12.pdf (дата обращения: 23.09.22).
6. *Мухамеддинов Р. Ф.* Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1994.
7. *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. М., 2003.
8. *Пруст М.* В поисках утраченного времени. М. : АСТ, 2004.
9. Columba Peoples, Nick Vaughan-Williams. Critical Security Studies. An introduction. Addington : Routledge, 2010.
10. Haftendorn H. The Security Puzzle: Theory Building and Discipline in International Security // International Studies Quarterly. 1991. Vol. 35. No. 1. P. 3–17.
11. Ken Booth. Theory of World Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
12. Nicholas Thomas, William T. Tow. The Utility of Human Security: Sovereignty and Humanitarian Intervention // Security Dialogue. 2002. No. 33. P. 373–377.
13. Richard Wyn Jones. Security, Strategy, and Critical Theory. Boulder, CO : Lynne Rienner, 1999.

Об авторах:

Мелешин Кирилл Юрьевич, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Университета при МПА ЕврАзЭС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: kirillmeleshin@yandex.ru

Феоничев Алексей Борисович, член Российской Ассоциации международного права (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Suchuga@mail.ru

References

1. Anokhin P. K. Selected Works. Philosophical Aspects of the Functional System Theory. Moscow, 1978. (In Rus.)
2. Gasratyan M. A. Kurds of Turkey in Modern Times. Yerevan, 1990. (In Rus.)
3. Danilov V. I. Metamorphoses of Turkish Nationalism // Middle East and Modernity: Collection of articles [Blizhnii Vostok i sovremennost' : sbornik statei]. Issue 9. 2000. P. 20–35. (In Rus.)
4. Kapitsa S. P., Kurdyumov S. P., Malinetsky G. G. Synergetics and Forecasts of the Future. Moscow : Nauka, 1997. (In Rus.)
5. Litvinov E. P. Security as a Philosophical Category [Electronic resource] // Electronic Scientific Publication Almanac Space and Time [Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya]. 2014. Vol. 7. Issue 1. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t7v1/t7v1_PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast7-1.2014.12.pdf (accessed: 23.09.22). (In Rus.)
6. Mukhametdinov R. F. The Origin and Evolution of Turkism. Kazan, 1994. (In Rus.)

7. Prigozhin I., Stengers I. Time, Chaos, Quantum. Moscow, 2003. (In Rus.)
8. Proust M. In Search of Lost Time. Moscow : AST, 2004. (In Rus.)
9. Columba Peoples, Nick Vaughan-Williams. Critical Security Studies. An introduction. Addington : Routledge, 2010.
10. Haftendorn H. The Security Puzzle: Theory Building and Discipline in International Security. International Studies Quarterly. 1991. Vol. 35. No. 1. P. 3–17.
11. Ken Booth. Theory of World Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
12. Nicholas Thomas, William T. Tow. The Utility of Human Security: Sovereignty and Humanitarian Intervention // Security Dialogue. 2002. No. 33. P. 373–377.
13. Richard Wyn Jones. Security, Strategy, and Critical Theory. Boulder, CO : Lynne Rienner, 1999.

About the authors:

Kirill Yu. Meleshin, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor;
e-mail: kirillmeleshin@yandex.ru

Alexander B. Feonichev, Member of the International Law Association / Russian Branch (Moscow, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: Suchuga@mail.ru